

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ТЕНЕЙ

Ольга Ефимова

18+

Ольга Ефимова

Хранительница теней

«Автор»

2026

Ефимова О.

Хранительница теней / О. Ефимова — «Автор», 2026

Она пережила клиническую смерть и вернулась с даром, который стала считать проклятием. Карина Богданова видит призраков. Они приходят к ней безмолвно, передавая через прикосновения свои последние ощущения: холод, боль, страх. И требуют справедливости. Когда её начинают преследовать призраки девочки-подростка из школы 14, Карина пишет анонимное письмо в полицию. Оно попадает к майору Андрею Ветрову — циничному оперативнику, который не верит в мистику, но вынужден признать: она знает то, чего не может знать ни один человек. Начиная работать с Ветровым, Карина вступает в смертельную игру с серийным убийцей, известным как «Скульптор». Он создаёт свои жертвы — замуровывает их в гипсе, превращая в вечные статуи. И однажды он узнаёт о даре Карины... и начинает охоту на неё. Помогая мёртвым, Карина рискует потерять себя и всех, кто ей дорог. Но сможет ли она остановить убийцу, когда понимает, что её дар — не случайность, а древнее проклятие, передающееся по крови?

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Пробуждение	5
Глава 1. Авария	5
Глава 2. Белые стены	9
Глава 3. Цифра 14	15
Глава 4. Первое письмо	19
Глава 5. Скептик	24
Глава 6. Преследователь	28
Глава 7. Встреча	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ольга Ефимова

Хранительница теней

Часть 1. Пробуждение

Глава 1. Авария

Ноябрь в этом году выдался на редкость мерзким. Не тем холодом, что бодрит и кусает щеки, а сырой, липкой изморозью, которая пробиралась под воротник пальто, оседала на ресницах и делала воздух тяжелым, словно ватным. Карина ненавидела эту погоду. Она сидела на пассажирском сиденье старого, но ухоженного «Фольксвагена» и смотрела, как стекло запотевает от ее дыхания, размывая огни встречных машин в разноцветные кляксы. Голова гудела от шампанского и громкой музыки, которая все еще пульсировала в висках, хотя корпоратив закончился больше часа назад.

— Кать, ты как? — голос Евгения звучал отстраненно, как из-под воды. Он вел машину одной рукой, второй поправляя зеркало заднего вида. — Совсем вырубилась? Я же говорил, не надо было мешать шампанское с виски. Наташка из маркетинга, конечно, душа компании, но она и до добра не доведет.

Карина поморщилась. Не от слов, а от его тона. Слишком покровительственного, слишком уставшего. Он всегда так разговаривал с ней в последнее время, словно она была капризным ребенком, которому нужно объяснять элементарные вещи. Она хотела огрызнуться, сказать, что Наташка тут ни при чем, а если бы он не сидел весь вечер с телефоном, уткнувшись в какой-то рабочий чат, возможно, она бы и не пила столько. Но сил на ссору не было. Вместо этого она просто закрыла глаза и прислонилась лбом к холодному стеклу.

— У меня завтра сдача рукописи, — тихо сказала она. — Корректura этого идиотского любовного романа. Там такие перлы, что я к утру поседею. Представляешь, героиня в первой главе «вдохнула запах боли». Как можно вдохнуть запах боли? Это же не аромат лаванды.

Евгений хмыкнул, но не поддержал разговор. Он перестроился в правый ряд, собираясь повернуть на пустынную трассу, которая вела к их коттеджному поселку за городом. За окном привычный городской пейзаж сменился черным провалом — фонарей здесь почти не было, и только свет фар выхватывал из темноты голые ветки придорожных деревьев, похожие на скрюченные пальцы старух. Карина поежилась.

— Включи печку, — попросила она. — У меня руки ледяные.

— Мы уже почти приехали, — ответил он, но все же потянулся к регулятору климата.

Этот момент она запомнит на всю жизнь. Мельчайшие детали, которые тогда казались абсолютно незначительными: хруст перчатки Евгения о пластик, красный огонек индикатора на приборной панели, предательски мигнувший в такт поворотнику, и его профиль, освещенный тусклым зеленоватым светом от часов на торпеде. Он чуть склонил голову, сосредоточенно глядя на дорогу. Красивый профиль. Волевой подбородок, который она так любила целовать, и ямочка на щеке, которая появлялась только тогда, когда он сдерживал улыбку.

А потом мир взорвался.

Карина не услышала звука — он пришел позже, когда сознание уже начало ускользать. Она просто почувствовала удар. Не физический, а какой-то всеобъемлющий, словно само пространство схлопнулось вокруг них с чудовищной силой. Ее тело дернуло вперед, ремень безопасности впился в ключицу, разрывая тонкую кожу, и в то же мгновение воздух наполнился

скрежетом металла и звоном бьющегося стекла. Стекло. Оно осыпалось на нее сотнями осколков, как ледяной дождь, и Карина почему-то подумала: «Как красиво. Как звезды».

Машину крутануло, вышвырнуло с трассы. Мир закрутился в бешеном калейдоскопе — верх, низ, верх, низ, стволы деревьев, черное небо, белые вспышки фар. Евгений что-то кричал, но она не слышала слов, только отчаянный, звериный рык, который тонул в металлическом реве. «Больно», — промелькнула мысль. И сразу же другая, более ясная: «Господи, мы сейчас разобьемся насмерть».

Потом была тишина. Звонящая, абсолютная, как в гробу.

Карина висела вниз головой. Ноги зажало чем-то тяжелым, и она не могла пошевелиться. В лицо бил холодный влажный воздух, смешанный с запахом бензина и горелой проводки. Где-то рядом капала жидкость — мерный, пугающий звук, словно секундная стрелка часов, отсчитывающая последние минуты. Она попыталась открыть глаза, но веки были тяжелыми, словно налиты свинцом. Сквозь полузакрытые ресницы она видела перевернутый приборный щиток, на котором тускло горела аварийная лампочка. И еще что-то красное. Много красного. Оно растекалось по разбитому стеклу, медленно, густо.

— Женя... — прошептала она, но язык не слушался. — Женя, ты как?

Ответа не было. Только капли. Кап... кап... кап. Где-то рядом, снаружи, раздался хруст — кто-то шел по гравию. Тяжелые, неуверенные шаги. Затем голос, искаженный расстоянием и звоном в ушах:

— Живые? Эй, там есть кто?

Карина хотела ответить, но в голове внезапно стало очень тихо. Тишина эта была странной — не физической, а какой-то глубинной, душевной. Она перекрыла боль, страх, все звуки внешнего мира. Осталось только одно желание: закрыть глаза и провалиться в эту тишину с головой.

«Только не спать», — приказала она себе. — «Только не спать. Если уснешь — умрешь».

Но тело не слушалось. Оно текло, как песок сквозь пальцы, становилось легким, почти невесомым. Карина перестала чувствовать боль. Перестала чувствовать себя. Она просто... была. Была где-то в центре этой звонящей пустоты, и эта пустота была теплой и уютной, как вода в ванне перед сном.

А потом она увидела свет.

Он шел отовсюду. Не от фар, не от лампочек — он исходил из самого воздуха, пропитывал пространство теплым, золотистым сиянием. Свет был таким густым и живым, что, казалось, его можно потрогать рукой. Карина подняла голову (она не знала, как она это сделала, ведь тела у нее больше не было) и увидела, что стоит на бескрайнем поле. Белое, чистое, как лист бумаги. Ни травинки, ни ветерка. Только свет и пространство.

Она не боялась. Страх исчез где-то там, в разбитой машине, вместе с болью и ледяным холодом. Здесь было хорошо. Спокойно. И откуда-то издалека, с того края поля, где свет становился еще ярче, доносился голос. Мелодичный, нежный, но в то же время абсолютно лишенный эмоций. Он вибрировал прямо в ней, проникал в каждую клетку, заставляя ее замирать.

— Ты еще не готова, — сказал голос.

Карина моргнула. Она хотела спросить «к чему?», но слова застряли где-то на полпути, и вместо них она почувствовала, как ее начинает тянуть назад. С огромной силой, будто невидимая рука схватила за макушку и дернула на себя. Свет начал меркнуть, поле сжиматься, превращаясь в тонкую светящуюся полоску.

— погоди, — попыталась крикнуть она, но полоска исчезла, и мир снова наполнился болью.

Теперь она чувствовала все. Раздробленные ребра, ожог на ноге, жуткую, разрывающую голову боль, которая пульсировала в такт с биением сердца. Откуда-то сбоку доносился прон-

зительный, противный писк — кардиомонитор, поняла она, спустя несколько секунд. Запах антисептиков. Белый потолок. Белые стены. И чужое лицо, склоненное над ней.

Женщина в белом халате смотрела ей прямо в глаза и что-то говорила. Ее губы двигались, но звук доносился с задержкой, словно Карина слушала его через старый, испорченный радиоприемник.

— ...Кома... клиническая... три минуты... — выхватила она из потока.

Карина моргнула. И снова. Язык во рту стал ватным, во рту пересохло. Она попыталась сказать: «Воды», — но вместо этого издала только сиплый стон.

— Она приходит в себя, — сказала медсестра. — Доктор, она приходит в себя!

Потом была суета. Белые халаты, маски, уколы, которые она почти не чувствовала. Карина хотела спросить про Евгения, но слова по-прежнему не приходили. Она просто лежала и смотрела в белый потолок, пытаясь соединить разрозненные кусочки реальности.

Голос с того света. «Ты еще не готова».

Что это было? Бред? Предсмертная галлюцинация? Или что-то еще?

Она заснула. Или провалилась в забытие. Счет времени потерялся, и когда она открыла глаза в следующий раз, за окном уже было утро. Тусклый серый свет пробивался сквозь запотевшее стекло, и Карина поняла, что лежит в палате интенсивной терапии. Одна.

Вокруг стояла тишина. Только пищал кардиомонитор, да где-то в коридоре громыхали тележкой. Голова все еще болела, но боль была уже не такой острой, скорее тупой, ноющей. Она попыталась приподняться на локтях, но перебинтованные ребра пронзила резкая боль, и Карина с шипением опустилась обратно на подушку.

— Лежите, не двигайтесь, — раздался строгий голос от двери. Медсестра, пожилая, с усталым лицом, вошла в палату с капельницей в руках. — У вас сотрясение, три сломанных ребра и ожог левой голени. Чудо, что вы вообще выжили после такого. Ваш мужчина за рулем был?

Карина кивнула. Горло саднило, и она с трудом выдавила из себя хриплый шепот:

— Евгений... Он как?

Медсестра на секунду замаялась. Ее взгляд стал профессионально равнодушным, и Карина остро почувствовала, что сейчас ей скажут что-то плохое. Что-то, что разобьет ее так же сильно, как та самая фура врезалась в их «Фольксваген».

— Его доставили в другую больницу, — ответила медсестра. — Состояние тяжелое, но стабильное. Перелом позвоночника. Он пока без сознания, но врачи делают все возможное. Вы не переживайте, милая, все будет хорошо.

«Все будет хорошо», — это было сказано тоном, который означал обратное. Карина зажмурилась, чувствуя, как к глазам подступают слезы. Перелом позвоночника. Парализован? Навсегда? Она боялась спросить. Она просто лежала и смотрела, как медсестра ловко подсоединяет капельницу к катетеру в ее вене.

— А... а водитель фуры? — спросила она дрожащим голосом.

— Водитель фуры погиб на месте, — отрезала медсестра. — Съехал на встречу. Заснул за рулем, по предварительным данным. Он мертв, а вы живы, молодая женщина, так что радуйтесь и не плачьте. Слезы тут не помогут.

И она вышла, оставив Карину одну с тупой болью в груди и шумом в ушах.

Карина закрыла глаза. Отчаяние накрыло ее с головой, как черная волна. Евгений. Она любила его до безумия, и мысль о том, что он может остаться инвалидом, лишала ее последних сил. Она не знала, сколько времени прошло. Минуты, часы. Она лежала в полудреме, где реальность мешалась с кошмарами. Ей снилось поле, белый свет, а потом удар, и она снова просыпалась в холодном поту.

В какой-то момент, уже не разбирая, ночь это или день, она услышала странный звук. Похоже на скрип. Ритмичный, настойчивый. Он доносился с правой стороны, от стены, где висел график температуры. Карина медленно повернула голову.

Сначала она увидела только пустую стену, белые кафельные плиты, стерильный блеск. График температуры висел на своем месте, аккуратно заполненный синими чернилами. Ничего необычного. Но что-то заставило ее перевести взгляд чуть ниже, туда, где стоял металлический штатив для капельниц. И там, за штативом, словно притаившись в тени, стояла девочка.

Карина вздрогнула.

Это была подросток, на вид лет четырнадцати-пятнадцати. Худенькая, с бледной, почти прозрачной кожей и темными, как два уголька, глазами, которые смотрели на Карину с невыносимой тоской. Она была одета в школьную форму — темно-синее платье, белый фартук, черные гольфы до колена. Волосы заплетены в две аккуратные косички, перевязанные белыми бантами. Совсем как у девочек из старой советской школы.

— Эй, — прошептала Карина, чувствуя, как по спине пробегает холодок. — Ты кто?

Девочка молчала. Она просто стояла и смотрела. Ее взгляд был пугающе пустым, безжизненным, и в то же время в нем чувствовалась такая глубокая печаль, что у Карины перехватило дыхание.

— Ты слышишь меня? — спросила она громче, уже начиная раздражаться. Голова болела, настроения играть в игры не было. — Тебе нужна помощь? Ты потерялась?

Девочка медленно подняла правую руку и указала пальцем на стену. На график температуры.

Карина проследила за ее жестом, но на графике не было ничего, кроме цифр. 14-е число, — прочитала она. — 14 палата? Что это значит? Или что? — но когда она снова повернулась, девочки уже не было. Пустота. Только штатив для капельниц, график и мертвенный свет люминесцентных ламп.

Карина заморгала. Сердце бешено заколотилось, и кардиомонитор тут же отреагировал тревожным писком.

— Тихо, тихо, — она попыталась успокоить себя, дыша глубже. — Это галлюцинации. Это просто галлюцинации. После аварии, сотрясение, клиническая смерть. Мозг просто подкидывает картинки.

«Ты еще не готова», — вспомнился голос с того света.

Она зажмурилась и сосредоточилась на дыхании. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Когда она открыла глаза снова, в палате никого не было. Только пищал кардиомонитор.

Глава 2. Белые стены

Сознание возвращалось медленно, словно сквозь толщу густого киселя. Карина не понимала, где она, и даже кто она такая. Были только ощущения: тупая, ноющая боль, разлитая по всему телу, сухость во рту, похожая на наждачную бумагу, и странный, металлический привкус на языке. Ещё был свет. Он пробивался сквозь сомкнутые веки, раздражая сетчатку, и Карина инстинктивно попыталась отвернуться, но шея не слушалась.

Первое, что она осознала, — это звуки. Размеренный писк кардиомонитора, где-то справа. Шипение кислорода в трубке, которую она чувствовала кончиками пальцев у носа. Голоса. Приглушённые, далёкие, словно доносившиеся из соседней комнаты через толстую стену.

— ...давление стабилизируется... пульс 82... зрачки реагируют...

— Хорошо, выходим на экстубацию. Приготовьте седативные.

Карина с трудом разлепила веки. Всё плыло. Белый потолок, яркая лампа, которая резала глаза, и два размытых силуэта в голубых шапочках и масках, склонившихся над ней. Она попыталась закричать, но из горла вырвался только хриплый, сиплый звук. Кто-то из врачей положил ей руку на плечо — прохладную, уверенную.

— Тихо, тихо, — сказал женский голос, успокаивающий, но с металлическими нотками профессиональной отстранённости. — Вы в реанимации. Операция прошла успешно. Вас только что вывели из наркоза. Не пытайтесь говорить, у вас трубка из трахеи только что была удалена. Всё хорошо. Вы справились.

Карина моргнула. Слова доходили до неё с задержкой, как при плохом Интернет-соединении. Операция. Реанимация. Она вспомнила. Сначала смутно, а потом яркими, пугающими вспышками. Стекло, визг тормозов, удар, перевёрнутая машина. И Евгений. Его лицо, залитое кровью, и его крик, который она так и не услышала до конца.

— Евгений... — прошептала она, и язык во рту показался ей куском ваты. — Где... где Женя?

Врачи переглянулись. Один из них, мужчина с усталыми глазами поверх маски, чуть склонился к ней.

— Ваш муж находится в другой больнице, — сказал он спокойно. — Его состояние тяжёлое, но стабильное. Врачи делают всё возможное. Сейчас вам нужно думать о себе. Восстанавливаться. Хорошо?

«Хорошо», — прозвучало фальшиво. Карина знала этот тон. Она сама пользовалась им, когда её подруга плакала из-за развода, а Карина не знала, что сказать, кроме дежурных банальностей. «Всё будет хорошо». Это означало, что будет плохо. Очень плохо.

Она закрыла глаза, пытаясь справиться с накатившей волной отчаяния. Слезы не пошли — организм ещё не проснулся до конца, но внутри всё сжалось в тугую, болезненный узел. Евгений. Она его любила. Несмотря на его вечную занятость, его холодность в последние месяцы, его нежелание говорить о свадьбе. Он был её опорой, её скалой, и мысль о том, что эта скала может рухнуть, лишала её последней надежды.

— Вам нужно поспать, — сказала медсестра, подходя ближе. — Я поставлю вам успокоительное. Отдыхайте.

Карина не стала спорить. Ей хотелось только одного — провалиться в спасительную пустоту, где нет боли, нет страха, нет этого белого, стерильного света, который давил на глаза. Она почувствовала, как что-то прохладное коснулось вены на локтевом сгибе, а затем тепло разлилось по телу, затягивая её в глубокий, беспмятный сон.

Следующие несколько дней (или часов? времени она не чувствовала) слились для Карины в один сплошной поток. Она просыпалась, видела тот же белый потолок, слышала тот

же писк мониторов, проглатывала очередную порцию лекарств и снова засыпала. Врачи приходили и уходили, что-то записывали в истории, проверяли швы, перевязывали ожог на ноге. Она едва реагировала на них, отвечая односложно, погружённая в себя.

Единственное, что тревожило её за пределами боли, — это странное ощущение, что за ней кто-то наблюдает. Оно возникало внезапно, чаще всего ночью, когда реанимационная палата погружалась в искусственный полумрак, и только зелёные огоньки аппаратов мерцали в темноте. Карина просыпалась от холода, пробегающего по спине, и крутила головой, пытаясь разглядеть в углах комнаты чей-то силуэт. Но никого не было.

Она списывала это на последствия анестезии и седативных препаратов. Врачи предупреждали, что возможны галлюцинации. Но где-то глубоко, на интуитивном уровне, она знала: это не галлюцинации. Это что-то другое.

И вот на четвёртую ночь (она узнала это по тому, что медсестра сменила капельницу, сказав: «Четвёртые сутки, молодая, а вы уже молодцом»), Карина проснулась от отчётливого звука. Не писк монитора, не шелест шин за окном. Это был скрип. Тонкий, металлический, будто кто-то водил ногтем по стеклу.

Она открыла глаза. В палате было темно, только тусклый ночник горел над дверью, отбрасывая на пол жёлтый прямоугольник. Монитор равномерно пищал. Карина медленно повернула голову в сторону звука — и замерла.

В ногах её койки, прямо у белой кафельной стены, стояла девочка.

Карина не узнала её сразу. Сначала она просто увидела тёмный силуэт, тонкий, почти прозрачный, который едва выделялся на фоне стены. Но когда глаза привыкли к полумраку, она смогла разглядеть детали: школьная форма — тёмно-синее платье с белым фартуком, аккуратные косички, белые банты. Девочка стояла неподвижно, опустив руки вдоль тела, и смотрела на Карину.

Карина вскрикнула. Звук получился тихим, сдавленным, но кардиомонитор тут же отреагировал — забил тревогу частыми, резкими сигналами. Она хотела позвать на помощь, но язык не слушался. Она просто лежала, вцепившись пальцами в простыню, и смотрела, как девочка медленно поднимает правую руку.

Девочка указала пальцем на стену. Туда, где висел график температуры. Карина проследила за её жестом. На белом листе бумаги, прикреплённом кнопками к пробковой доске, были аккуратно вписаны столбцы с числами, обозначающими дни, и температура. 36.6, 36.8, 37.1... И в верхнем углу крупно, от руки, было написано: «Палата № 14».

Карина перевела взгляд на девочку, и в этот момент та исчезла. Просто растворилась в воздухе, словно её и не было. В палате снова стало пусто.

Дверь с грохотом распахнулась. Вбежала ночная медсестра, полная женщина с растрёпанными седыми волосами, за ней — санитар с каталкой.

— Что случилось? — резко спросила медсестра, бросаясь к монитору. — Тахикардия, давление скачет. Что вы сделали? Вы двигались?

— Там... — Карина показала дрожащей рукой на стену. — Там была девочка. Она стояла и смотрела.

Медсестра непонимающе уставилась на неё, потом перевела взгляд на пустую стену.

— Какая девочка? — переспросила она, нахмурившись. — В палате никого нет. Только вы. Это вам померещилось. После наркоза такое бывает. Я сейчас сделаю укол, вы успокоитесь.

— Нет, — Карина замотала головой, чувствуя, как паника сжимает горло. — Она была здесь! Она показала на график! На цифру 14! Я видела её!

Медсестра вздохнула с явным раздражением, но взяла шприц из лотка.

— Тише, тише. Вам нельзя волноваться. Это всё препараты. Побочные эффекты. У вас сильное сотрясение мозга, вы были в клинической смерти три минуты — такие вещи не проходят бесследно. Ложитесь, я сделаю укол, и вы поспите.

Карина хотела возразить, но укол уже вошёл в вену, и тепло, знакомое и обволакивающее, начало растекаться по телу. Веки тяжелели, мир снова уходил в туман, и последнее, что она увидела, — это пустая стена, на которой висел график с жирной цифрой 14.

Утро следующего дня не принесло облегчения. Карина проснулась разбитой, с головной болью и чувством, что её тело сдавили тисками. Но она помнила всё. Девочку. Её взгляд. Её беззвучное указание на стену. И цифру.

Она пыталась убедить себя, что это был сон. Или галлюцинация, вызванная лекарствами. Но интуиция, та самая, которая никогда не подводила её в работе, когда она вылавливала в чужих текстах несостыковки и смысловые ляпы, настойчиво твердила: «Это было реально».

Днём, когда пришла врач, строгая женщина с короткой стрижкой и очками в металлической оправе, Карина решила заговорить.

— Доктор, — начала она, пытаясь придать голосу твёрдость. — Я хочу спросить... Здесь, в этой палате, раньше лежали пациенты? Особенно подростки, школьницы?

Врач подняла бровь. Она листала историю болезни Карины, не отрывая глаз от бумаг.

— А почему вас это интересует? — спросила она равнодушно.

— Мне ночью... показалось, — Карина запнулась, подбирая слова. — Я видела девочку. В школьной форме. Она стояла у стены и смотрела на меня. А потом показала на график температуры. На цифру 14. И исчезла. Это не первый раз. Я видела её ещё до операции.

Врач, наконец, оторвалась от истории и посмотрела на Карину поверх очков. Взгляд её был острым, оценивающим, как у рентгена.

— Галлюцинации после клинической смерти — не редкость, — сказала она спокойно. — Ваш мозг пережил кислородное голодание, это могло повлиять на зрительные центры. Кроме того, вы принимаете сильные обезболивающие, они тоже могут давать побочные эффекты. Я рекомендую вам проконсультироваться с неврологом после выписки. А пока — пейте больше воды, отдыхайте, не перегружайте себя мыслями. Девочек в школьной форме в этой палате не было и нет. Мы принимаем только взрослых после ДТП и инфарктов.

— Но я видела её! — почти выкрикнула Карина, и голос её дрогнул. — Она была такой реальной! Я не выдумываю!

— Я верю, что вы не выдумываете, — ответила врач, и в голосе её промелькнула тень сочувствия. — Я верю, что вы действительно это видели. Но это не значит, что это произошло в реальности. Ваш мозг мог создать зрительный образ из какой-то случайной ассоциации. Цифра 14? Может быть, вы прочитали её на дверях палаты, когда вас везли, или на этикетке лекарства. А форма школьницы — вы могли видеть её по телевизору или в рекламе. Память — штука сложная, она любит смешивать реальность и фантазию.

Карина сжала зубы. Ей хотелось закричать, что она не сумасшедшая, что она различает реальность и вымысел, что она корректор, чёрт возьми, и её работа — замечать детали, несостыковки, а здесь не было никакой несостыковки. Девочка была здесь. И она что-то хотела ей сказать.

— Ладно, — выдохнула Карина. — Спасибо.

Врач кивнула и вышла, оставив её одну с нарастающей тревогой.

Вечером того же дня Карине принесли обед — жидкий куриный бульон, который пах так аппетитно, что у неё свело желудок. Она поела, чувствуя, как силы понемногу возвращаются. Потом её сводили на процедуры, сменили повязку на ноге, проверили давление. Всё было в рамках нормы.

Она лежала, глядя в потолок, и пыталась собраться с мыслями. Авария. Евгений в коме. Девочка-призрак. Цифра 14. Всё это было безумием, чистым и абсолютным, но Карина чувствовала, что за этим безумием стоит нечто большее. Что-то, что требовало её внимания.

Она вспомнила слова из белого света: «Ты ещё не готова». Готова к чему? Может быть, к тому, чтобы видеть мёртвых? Или к тому, чтобы помогать им?

Внезапно воздух в палате стал холоднее. Это было физическое ощущение, такое же реальное, как её перебинтованные рёбра. Карина поёжилась, подтянула одеяло к подбородку, но холод проникал сквозь ткань. Она повернула голову — и снова увидела её.

Девочка стояла теперь ближе. У самого края койки, буквально в полуметре от Карины. Она смотрела прямо в глаза, и в этом взгляде не было ни злобы, ни агрессии — только безмерная, глубокая печаль. Карина почувствовала, что не боится. Странно, но страха не было. Было любопытство. И желание понять.

— Ты снова здесь, — сказала она шёпотом. — Кто ты? Как тебя зовут?

Девочка молчала. Она чуть наклонила голову, и Карина заметила на её шее тонкую, едва заметную полоску — словно след от верёвки или удавки. Или, может быть, от чего-то другого. Она не могла разглядеть в полумраке.

Затем девочка снова подняла руку. На этот раз она не показывала на график. Она медленно провела пальцем в воздухе, чертя три цифры. Единицу. Четвёрку. И потом — ещё один жест. Она приложила ладонь к своей груди, словно хотела показать, что это касается её самой.

— 14, — прошептала Карина. — Это твой номер? Ты училась в школе №14?

Девочка едва заметно кивнула. Или Карине показалось? Она не была уверена. Призрак не двигал головой, но в его глазах мелькнула искорка — благодарность или надежда.

— Что там, в школе №14? — продолжила Карина, уже осмелев. — Что ты хочешь мне сказать? Ты погибла там?

На этот раз девочка не кивнула. Она просто начала таять, как дым, растворяясь в холодном воздухе. И в последний момент, когда от неё остался только прозрачный силуэт, Карина услышала звук. Не голос, нет — звук, похожий на тихий, жалобный стон, донёсшийся откуда-то из глубины, из той серой пелены, в которую превратилась девочка.

Карина потрясла головой. Стон исчез, но эхо его всё ещё звенело в ушах.

— Чёрт, — выругалась она громко, и сама удивилась своему голосу, который прозвучал почти весело. — Всё-таки я сошла с ума. Признаю. Это безумие.

Она провела рукой по лицу, ощущая, как холод от прикосновения призрака всё ещё вибрирует на коже. И в этот момент в голове у неё сложилась простая, но пугающая мысль: если она не сошла с ума, если это реальность, значит, она обязана что-то сделать. Девочка пришла к ней не просто так. Она просила о помощи.

Карина вспомнила своё письмо. То самое, которое она нацарапала на листе бумаги в припадке отчаяния. «Ищите тело в подвале школы №14». Тогда она написала его, не веря, что оно попадёт в полицию. Это был просто способ выплеснуть эмоции. Но теперь она задумалась: а что, если это было не просто так? Что, если её рукой водил кто-то другой? Та самая девочка, которая стояла здесь, всего в метре от неё?

Она попыталась вспомнить, куда делся тот листок. Она помнила, что он лежал на столе рядом с ноутбуком. Потом она уснула, а проснувшись, утром, не нашла его. Она решила, что выбросила его во сне — или Васька, её рыжий кот, стянул со стола. Но теперь, когда она вернулась в квартиру, она не нашла его в мусорном ведре. Значит, он куда-то делся.

«Может быть, его кто-то нашёл? — подумала она. — Может быть, он уже у полиции?»

Эта мысль одновременно испугала и обнадежила её. Если письмо попало к полиции, они проверят школу №14. Возможно, они найдут что-то. А если нет — ничего страшного. Она просто переутомилась.

Но интуиция говорила ей: «Нет, это не просто. Это начало».

Прошло ещё два дня. Карина начала понемногу вставать, ходить по палате с костылями, делать дыхательную гимнастику. Ожог заживал, рёбра срастались. Врачи говорили, что она

идёт на поправку, и прогноз благоприятный. Но единственное, что занимало её мысли, — это девочка и школа №14.

Она попросила медсестру принести ей планшет, чтобы выйти в интернет. Медсестра, молодая девушка с пирсингом в брови, удивлённо посмотрела на неё, но принесла.

— Только полчаса, — строго предупредила она. — Вам нельзя напрягать глаза.

Карина кивнула и сразу открыла поисковик. «Школа № 14, наш город, происшествия», — набрала она.

Поиск выдал несколько ссылок на новости. В основном — обычные школьные новости: олимпиады, конкурсы, выпускные. Ничего криминального. Она углубилась в поиски, листая страницы на форумах, где обсуждались городские легенды. И на одном из форумов, в ветке «Заброшки и мистика», она наткнулась на тему: «Школа №14 — подвал с тайной».

Она зашла в тему. Пользователь с ником GhostHunter_2008 писал: «В подвале школы №14 есть запертая комната. Говорят, в 90-х годах там убили девочку. Тело так и не нашли, но ученики рассказывают, что по ночам слышат плач. Учителя запрещают туда ходить, но я знаю, что есть подземный ход из котельной».

Карина замерла. «Убили девочку. Тело не нашли». Это совпадало с её видением. Она прочитала ещё несколько сообщений. Другие пользователи подтверждали: школа стоит на месте старого кладбища, подвал якобы залит бетоном, но есть слухи, что там есть тайник.

Она хотела прочитать дальше, но медсестра забрала планшет.

— Время вышло, — сказала она. — Вам нужен покой.

Карина не стала спорить. Она знала, что ей нужно сделать. Когда она выйдет из больницы, она должна попасть в школу №14. Но как? Она не полицейский, у неё нет пропуска. И она не может просто так явиться туда и сказать, что её преследует призрак.

«Надо написать ещё одно письмо», — решила она. — «Но на этот раз — официальное. Анонимное. И отправить его в полицию».

Она вспомнила, что в одном из шкафчиков у неё есть блокнот и ручка. Она попросила медсестру принести их, и та, хотя и удивилась, выполнила просьбу.

Карина написала письмо, стараясь быть как можно более конкретной. Она описала девочку: её внешность, форму, банты, косички. Она указала, что девочка, возможно, погибла именно в подвале школы №14, и её тело может быть спрятано там. Она не подписалась, но в конце добавила: «Если вы не верите, проверьте подвал. Там есть что-то важное».

Она сложила письмо, положила в конверт и написала адрес ближайшего отделения полиции. Но когда она хотела отдать его медсестре, чтобы та отправила, девочка появилась снова. На этот раз она стояла у окна, за которым шёл дождь, и её силуэт был почти не виден за струями воды.

Карина подняла глаза и встретила её взглядом.

— Я делаю всё, что могу, — прошептала она. — Я отправила письмо. Они придут. Ты должна мне помочь. Кто ты? Как тебя зовут?

Девочка приоткрыла рот, словно пыталась что-то сказать. Но из её губ не вырвалось ни звука. Только лёгкое облачко пара — она выдохнула в холодном воздухе палаты. Карина не поняла, что это значит.

Но девочка подняла руку и показала на ладонь, на которой были написаны цифры. Но теперь это были не «1» и «4». Она показала «2» и «6». Или «26»? Карина не успела разобрать, потому что девочка растаяла.

«26», — задумалась Карина. — «Что это может быть? Квартира? Дом? Дата?»

Она попыталась вспомнить, связан ли какой-то день или число с её видениями. 26 декабря? Или 26 февраля? Она не знала.

Снаружи, за окном, дождь усилился, барабанил по стеклу, и Карина почувствовала, что её охватывает странное спокойствие. Девочка дала ей ещё одну загадку. Это была её работа — разгадывать загадки. И Карина была готова её принять.

Она убрала письмо в конверт, заклеила его и отдала медсестре, попросив отправить по почте. Медсестра пожала плечами, но взяла конверт.

— Странная вы, — сказала она. — Но какая-то хорошая. Выздоровливайте.

Карина улыбнулась. Ей предстояло узнать тайну школы №14 и найти ответ на вопрос, кто же была та девочка с бантами. Она пока не знала, что это расследование навсегда изменит её жизнь. И что за ней уже наблюдает кто-то другой. Кто-то, кто не был призраком.

Глава 3. Цифра 14

День выписки выдался солнечным, но обманчиво холодным. Ноябрьское солнце висело низко над горизонтом, и его лучи, пробиваясь сквозь голые ветви деревьев, не грели, а лишь слепили глаза, отражаясь от мокрого асфальта и капель дождя, оставшихся после ночного ливня. Карина стояла у входа в больницу, опираясь на костыли, и смотрела, как её чемоданчик — маленький, с запасной одеждой и туалетными принадлежностями — загружают в багажник такси. Рядом, с каменным лицом, стоял её жених, точнее, уже почти бывший жених. Но Евгений всё ещё был в коме, и Карина не знала, как он отнесётся к её новой реальности.

Она обернулась на больничное здание — серую, унылую пятиэтажку, которая казалась ей теперь тюрьмой. Врач, тот самый психиатр, с которым она говорила, вышел проводить её. Он протянул рецепт на антидепрессанты и сказал:

— Помните, Карина, если видения вернутся — сразу звоните мне. Не пытайтесь справиться с этим в одиночку. Галлюцинации — это лишь симптомы, они не опасны, если вовремя их купировать.

Она кивнула, взяла рецепт, не глядя, и села в такси. Когда машина отъехала от больницы, она почувствовала, как какая-то тяжесть спала с плеч, но вместо облегчения пришла пустота. В ней зияла дыра, которую нечем было заполнить. Евгений был там, в реанимации, и врачи по-прежнему не давали никаких гарантий.

Такси остановилось у знакомого подъезда в спальном районе. Карина расплатилась, с трудом выбралась из машины, опираясь на костыли, и поднялась на третий этаж. Квартира встретила её запахом пыли, затхлости и немного — кошачьей мочи. Васька, её рыжий британец, сидел на подоконнике и смотрел на неё с немым укором. Рядом валялась пустая миска.

— Прости, малыш, — сказала она, ковыляя к кухне, чтобы насыпать корм. — Я задержалась.

Кот фыркнул, но подошёл к миске, когда она наполнила её, и принялся с жадностью есть. Карина села на табуретку, положила костыли на пол и огляделась. Всё было как в тот вечер, когда они уехали на корпоратив: грязные кружки в раковине, его свитер на спинке стула, её рукописи, разбросанные по столу. Время здесь остановилось, но Карина чувствовала, что оно неумолимо движется вперёд, и она должна что-то делать.

Первым делом она решила восстановить привычный режим. Она привела себя в порядок, приняла душ (с трудом, потому что нога болела), переоделась в домашнюю одежду, выпила чаю. Потом позвонила в издательство, где работала корректором.

— Ольга Викторовна, — начала она, стараясь говорить бодро. — Я могу выйти на работу через пару дней? Врачи разрешили.

Начальница, женщина с резким голосом и вечным недовольством, ответила:

— Кариночка, вы же знаете, у нас сейчас завал. Гринёв сдал свой детектив с опозданием на месяц, а редактор требует, чтобы мы вычитали его за две недели. Если вы можете, выходите завтра. Мы вас ждём. Если что-то не так — предупредите.

Карина заверила, что всё в порядке, и положила трубку. Она понимала, что работа — это единственное, что может отвлечь её от мрачных мыслей. И от призраков. Хотя призраки, как выяснилось, никуда не делись.

На следующий день она надела строгий костюм, который всё ещё висел в шкафу (она похудела за время больницы, и он висел на ней мешком), взяла трость вместо костылей и поехала в издательство. На улице было серо, мелкий дождь моросил, и Карина поймала себя на том, что постоянно оглядывается. Ей казалось, что кто-то идёт за ней по пятам. Но на пустой улице никого не было.

В издательстве её встретили с притворным радушием. Сослуживцы — пара девчонк-редакторов, вечно курящие в коридоре, и немногословный верстальщик Коля — расспросили её о здоровье, посочувствовали её жениху и тут же переключились на рабочие вопросы. Карина села за свой стол, включила компьютер и открыла файл с рукописью Гринёва. Название было претенциозным: «Смерть в чёрном зеркале». Она начала читать, и знакомый процесс вычитки — вылавливание опечаток, стилистических ошибок, логических ляпов — погрузил её в привычную колею.

Но уже через час она почувствовала холод. Не физический, нет — кондиционеры в офисе работали исправно, и температура была комфортной. Это был тот самый внутренний холод, который она научилась распознавать. Он начинался где-то в груди, а потом растекался по позвоночнику, заставляя волосы на руках вставать дыбом.

Карина подняла голову и оглядела офис. Девчонки-редакторы что-то живо обсуждали у кулера, Коля печатал с бешеной скоростью, зарывшись в свой монитор. Никаких девочек в школьной форме. Она выдохнула и снова уткнулась в текст.

Но когда она перевернула страницу — а это был уже распечатанный экземпляр, она всё ещё любила работать с бумагой — её взгляд упал на поля. Там, аккуратным, почти каллиграфическим почерком, было написано: «14».

Карина замерла. Она точно знала, что этого не было, когда она брала рукопись утром. Она перечитывала первые страницы несколько раз, и на полях были только её пометки, сделанные красной пастой. Но цифра 14 была выведена чёрным, тонким, будто чернильным, почерком. Она поднесла лист к свету, пытаясь понять, не отпечаталось ли что-то с обратной стороны. Нет. Цифра была свежей.

Она почувствовала, как сердце забилось быстрее. «Нет, это просто совпадение, — сказала она себе. — Я устала, я переволновалась. Мне показалось».

Она взяла ластик и стёрла цифру. На бумаге остался лёгкий след, но она сделала вид, что ничего не произошло. Она продолжила читать, но внимание рассеивалось. Каждые несколько минут она ловила себя на том, что смотрит в окно, в отражение на мониторе, ищет тот силуэт, который, как она боялась, появится снова.

В обеденный перерыв она вышла в коридор, чтобы выпить кофе из автомата. Офис был на четвёртом этаже, а автомат стоял на третьем, рядом с лифтами. Карина спустилась по лестнице, прихрамывая на трость, и остановилась перед автоматом, выбирая напиток. В этот момент она мельком глянула в зеркальную поверхность двери лифта — и чуть не выронила кружку.

В отражении, прямо за её спиной, стояла та самая девочка. То же школьное платье, белый фартук, банты, косички. Она стояла абсолютно неподвижно, как статуя, и смотрела на Карину своими тёмными, бездонными глазами. Карина резко обернулась. Коридор был пуст. Только уборщица возилась в конце коридора, мыла пол. Девочки не было.

Карина схватила кофе и почти бегом (насколько позволяла травма) вернулась в кабинет. Она села за стол, трясаясь как осиновый лист, и уставилась в монитор. На экране, на фоне рабочего стола, засветилась всплывающая табличка: «14». Просто цифры, без пояснений. Она нажала «ОК», табличка исчезла.

«Это монитор глючит, — подумала она. — Или вирус. Или я просто схожу с ума».

Она решила, что ей нужно взять себя в руки. Она достала из сумки рецепт на антидепрессанты, который дал ей психиатр, и решила, что после работы зайдёт в аптеку. Может быть, таблетки помогут ей забыть этот кошмар.

Рабочий день закончился, и Карина поехала домой. В метро она сидела, уставившись в одну точку, и пыталась не думать о девочке. Но вагон был набит людьми, и в каждом отражении в окнах она видела смутные силуэты, которые казались ей знакомыми. Она вышла на своей станции, купила в аптеке лекарства и пошла пешком.

Дома она разобрала вещи, поужинала (суп из пакета и бутерброд), и села на диван с планшетом. Она открыла поисковик, чтобы найти информацию о школе №14. Пока она искала, её мысли постоянно возвращались к тому, что она видела сегодня. Девочка была повсюду. В отражении, в лифте, на мониторе. Она хотела что-то сказать, но молчала. И каждый раз она показывала «14».

Карина нашла ту самую тему на форуме, которую читала ещё в больнице. Она перечитала все сообщения, потом нашла другие ветки. Пользователи писали, что школа №14 находится в старом районе города, её построили ещё в 1960-х. В 90-х годах там якобы произошло убийство ученицы, но дело не раскрыли, и тело не нашли. Говорили, что подвал залили бетоном, но есть проход из котельной. Упоминались имена преподавателей, которые уволились после того случая. Один из них, учитель рисования, Алексей Мраморнов, упоминался как «странный тип», который любил лепить статуи из гипса.

Карина занесла эту фамилию в заметки. Но её внимание привлёк другой пост, более свежий. Пользователь с ником Anyta_14 написала: «Моя сестра училась в этой школе в 2005 году. Она говорила, что в подвале есть комната, где хранятся старые работы учеников. И она видела там что-то страшное. Но когда она рассказала учителям, они сказали ей заткнуться и больше туда не ходить. Через неделю она пропала. Её нашли через месяц в соседнем районе, мёртвую. Сказали, что самоубийство. Но я знаю, что она ни за что бы не сделала этого».

Карина зачиталась. Она нашла ещё несколько похожих историй. Девочки-подростки, учившиеся в школе №14, пропадали в разные годы. Все их тела находили в странных местах, и все смерти списывали на самоубийства или несчастные случаи. Но родственники не верили.

«Семь девочек за пятнадцать лет, — подсчитала Карина. — Может быть, больше. Это слишком много для совпадений».

Она хотела написать в форум, но передумала. Если она напишет, её могут вычислить. Она должна быть осторожной.

Она закрыла планшет и пошла в спальню, чтобы лечь спать. Васька уже спал на её подушке, свернувшись клубком. Карина согнала его, улеглась в постель и выключила свет. Но сон не шёл. В темноте она слышала каждый звук: тиканье часов, шум воды в трубах, шуршание листьев за окном. И она чувствовала, что девочка снова здесь. Она лежала, боясь открыть глаза, и считала до ста. Когда она открыла глаза, в углу комнаты, рядом с комодом, стоял тот самый силуэт.

Карина вскочила, включила свет. Никого. Но на комод, на её зеркальце, мелом была нарисована цифра «14».

Она сняла зеркальце, протёрла его салфеткой, и села на кровать, тяжело дыша. «Это галлюцинации, — повторяла она мысленно. — Это просто галлюцинации. Я устала, я перевозилась. Завтра я приму таблетки, и всё пройдёт».

Но она знала, что это не пройдёт. Девочка была реальной. Она хотела помощи. И Карина, несмотря на весь свой страх, чувствовала, что должна помочь.

Она достала из тумбочки блокнот и ручку и написала: «Девочка. Школа №14. Пропавшие ученицы. Учитель рисования Мраморнов. Подвал. Цифра 14. Что это значит?»

Она перечитала записи, и ей пришла в голову мысль. Может быть, девочка не просто показывает номер школы. Может быть, она показывает что-то другое. Например, число жертв. Четырнадцать. Карина вспомнила, что она читала на форуме — семь девочек за пятнадцать лет. Но если прибавить к этому ещё семь, получится четырнадцать. Может быть, всего было четырнадцать жертв.

Она вздрогнула. Мысль была жуткой. Но она казалась ей логичной.

Она легла и постаралась заснуть. На этот раз сон пришёл быстрее. Но ей снилась школа, коридоры, залитые тусклым светом, и она шла по ним, слыша тихий плач. И когда она дошла до подвала, она увидела дверь, на которой висела табличка с цифрой «14».

Утром Карина проснулась разбитой. Она приняла лекарства, надеясь, что они помогут, но тревога никуда не ушла. Она поехала на работу, но весь день её преследовало ощущение, что кто-то смотрит на неё. Каждый раз, когда она проходила мимо зеркала или стеклянной двери, она видела краешком глаза силуэт девочки. Но она заставляла себя не оборачиваться.

В обед она снова вышла в коридор, чтобы выпить кофе. И когда она стояла у автомата, она услышала слабый звук. Как будто кто-то шептал её имя. Она оглянулась — никого. Но на листе бумаги, который выпал из принтера, было написано: «14».

Она схватила лист, скомкала и выбросила в урну. Ей было страшно. Она боялась, что её уволят, что её признают сумасшедшей, что она не справится. Но она понимала, что не может убежать от этой девочки. Она должна разобраться, что значит «14».

Вечером, когда она вернулась домой, она снова села за планшет и начала глубже копаться в материалах о школе №14. Она нашла старые выпуски школьной газеты, в которых упоминались достижения учеников. В одном из номеров, за 2008 год, была заметка о художественном кружке, который вел Алексей Мраморнов. В заметке говорилось, что его ученица, 14-летняя Вика Соболева, заняла первое место в городском конкурсе по скульптуре. А через месяц после этого Вика пропала. И её тело нашли только через полгода.

Карина нашла старую фотографию Вики — на ней была та самая девочка, которую она видела. Те же косички, банты, форма. Она была уверена. Призрак, преследующий её, — это Вика Соболева. И она погибла 14 лет назад (или в 14 лет, или что-то ещё, связанное с числом 14).

Карина поняла: она должна найти тело Вики. Или хотя бы доказательства того, что её убили. И для этого она должна попасть в школу №14.

Но одна она не могла. Она не знала, как проникнуть туда. И она не была уверена, что это безопасно. Но она понимала, что если не сделает этого, девочка никогда не оставит её в покое.

И когда она думала об этом, из темноты комнаты донёсся тихий голос. Впервые за всё время Карина услышала не просто звук, а слово. Оно было тонким, далёким, как будто шёпот ветра:

— Помоги...

Карина замерла.

— Я помогу, — ответила она в пустоту. — Я найду твоё тело. Я добьюсь справедливости. Я обещаю.

И в этот момент ей показалось, что за окном, на мокром асфальте, кто-то прошёл. Она выглянула — никого. Но на стекле была начерчена знакомая цифра. «14». Она стёрла её пальцем и сказала себе:

«Завтра я иду в школу №14».

Глава 4. Первое письмо

Ночь наступила внезапно, как всегда бывает в конце ноября, когда сумерки сгущаются уже к четырём часам дня, а в шесть за окнами стоит кромешная тьма. Карина сидела на кухне, обхватив ладонями горячую кружку с чаем, который давно остыл, и смотрела, как за окном мокрый снег падает на асфальт, тут же превращаясь в серую жижу. Рыжий Васька спал на подоконнике, свернувшись калачиком, и его дыхание слегка запотевало стекло.

Она была одна. Евгений по-прежнему лежал в реанимации, в той самой больнице, где ей запретили его навещать. Каждый день она звонила в отделение, и каждый день ей отвечали одно и то же: «Состояние стабильно тяжёлое, без положительной динамики». Эти слова стали для неё ритуалом, молитвой, которая не приносила облегчения. Ей казалось, что она заперта в ловушке собственной квартиры, где каждая мелочь хранит его образ — и его щётка в стаканчике, и свитер, который она всё не решалась снять. Всё кричало о том, что её жизнь разбита вдребезги, и склеить её невозможно.

Но были и другие голоса. Тот, что шептал из темноты: «Помоги...»

Карина вздрогнула и отставила кружку. Она снова оглянулась через плечо, ожидая увидеть за спиной девочку в школьной форме. Но на кухне было пусто. Только Васька открыл один глаз, посмотрел на неё с укоризной и снова закрыл.

— Я схожу с ума, — сказала она вслух, и голос прозвучал хрипло, словно она долго молчала. — Но если я сошла с ума, то почему я всё ещё здесь? Почему я не в психушке? Почему я вижу её так ясно?

Ответа не было. Только тиканье настенных часов и шум дождя за окном.

Карина встала, подошла к шкафчику и достала блокнот, тот самый, в который она записывала свои мысли. Она перечитала последние записи: «Девочка. Школа №14. Пропавшие ученицы. Учитель рисования Мраморнов. Подвал. Цифра 14». Она добавила сегодня: «Вика Соболева, 14 лет, пропала в 2008 году. Призрак — это она. Я уверена».

Она взяла ручку и, подумав, дописала: «Она просит помощи. Я должна найти её тело. Но как? Я не полицейский. Я никто».

Она закрыла блокнот и положила его на стол. Мысли путались. Она понимала, что должна что-то сделать, но не знала, с чего начать. Идти в полицию? Сказать, что её преследует призрак? Её поднимут на смех или, что ещё хуже, отправят на принудительное лечение. Пойти в школу №14? Но что она там найдёт? Запертые двери, пустые коридоры. Она даже не знала, где находится этот подвал.

Она вздохнула и вдруг почувствовала, что в квартире стало холоднее. Тот самый холод, который она научилась распознавать. Он начался в груди и медленно, будто невидимая рука, потянулся вверх по позвоночнику, заставляя волоски на руках вставать дыбом. Она повернулась — и увидела её.

Девочка стояла в проёме кухонной двери. На этот раз она была не такой прозрачной, как в больнице. Её силуэт казался более плотным, почти реальным. Школьная форма была такой же, банты белыми, но на фартуке она заметила тёмное пятно. Похожее на кровь. Карина сглотнула.

— Ты снова здесь, — прошептала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я знаю, кто ты. Ты Вика Соболева. Ты пропала в 2008 году. Тебя убили.

Девочка не шелохнулась. Она просто смотрела, и в её глазах Карина прочитала ту же безмерную печаль, что и в больнице. Потом девочка подняла руку и указала на стол, где лежал блокнот.

— Ты хочешь, чтобы я написала? — спросила Карина.

Призрак не ответил, но его взгляд стал более настойчивым.

Карина медленно подошла к столу, села, взяла ручку и открыла чистый лист. «Что мне написать?» — спросила она, но слова застыли. Девочка приблизилась, и Карина почувствовала ледяное дуновение, коснувшееся её щеки. Она не отшатнулась. Она почувствовала странное спокойствие, как будто девочка передала ей свою уверенность.

И тогда, словно под диктовку, её рука начала выводить буквы. Она писала быстро, почти не задумываясь:

«Я знаю, что в подвале школы №14 спрятано тело. Не спрашивайте, откуда я это знаю. Просто проверьте подвал, там есть тайник, залитый бетоном, но доступ из котельной. Девочку убили. Её зовут Вика Соболева. Она пропала в 2008 году. Пожалуйста, найдите её. Дайте ей покой. Аноним».

Карина закончила и положила ручку. Она перечитала текст, и в нём не было ни слова лжи. Всё, что она написала, казалось ей правдой. Она не знала, откуда пришли эти детали — про бетон и котельную, — но они звучали убедительно.

— Это то, что ты хотела? — спросила она, поднимая глаза.

Девочка стояла у двери, и на её губах мелькнула лёгкая, почти незаметная улыбка. Потом она кивнула и начала таять, растворяясь в воздухе. Когда она исчезла, комната снова наполнилась теплом.

Карина посмотрела на письмо. Оно лежало перед ней, и оно было реальным. Она могла его отправить. Но если она отправит его, она свяжет себя с этим делом. Полиция может начать расследование, могут выйти на неё. Она подвергнет себя опасности.

Она взяла письмо, сложила его и положила в конверт. Она написала адрес отделения полиции на конверте и уже хотела заклеить его, но рука застыла.

«Что я делаю? — подумала она. — Я пишу в полицию анонимку о том, чего я не знаю наверняка. Что если там ничего нет? Что если я ошибаюсь? Тогда меня признают сумасшедшей, а письмо будет просто бредом».

Она смотрела на конверт, и внутри неё боролись два голоса. Один говорил: «Ты должна помочь. Она просила». Второй шептал: «Ты рискуешь всем. Твоей работой, твоим будущим, твоей репутацией. Ты не можешь доказать это».

Карина закрыла глаза и глубоко вздохнула. Она вспомнила лицо девочки, её тёмные глаза, полные тоски. И поняла, что не сможет жить с этим, если ничего не сделает. Но она не могла просто отправить письмо. Это было бы слишком рискованно.

Она взяла письмо и поднесла его к зажигалке, которая лежала на столе. Она щёлкнула, и маленькое пламя лизнуло уголок конверта. Бумага начала чернеть, сворачиваться. Карина смотрела, как огонь пожирает текст, и чувствовала, как в груди что-то сжимается. Она сжигала надежду. Она сжигала свой шанс помочь.

Когда от письма осталась только горстка пепла, она сдула его в мусорное ведро. И почувствовала пустоту. Она предала девочку. Она предала себя.

— Прости, — прошептала она в пустоту. — Я не могу. Я боюсь.

Она закрыла глаза и почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. Она давно уже не плакала, и теперь слёзы лились сами собой, безудержно, обжигая щёки. Она плакала от страха, от бессилия, от одиночества. Она плакала о Жене, о своей разрушенной жизни, о девочке, которую не смогла спасти.

Ночь тянулась бесконечно. Карина не могла уснуть. Она лежала в темноте, глядя в потолок, и пыталась успокоиться. Но мысли бешено крутились в голове: письмо, сожжённое и выброшенное. Всё кончено. Теперь она просто будет жить дальше, делая вид, что ничего не произошло. Она будет ходить на работу, принимать таблетки, ждать, пока Женя выйдет из комы. Она будет пытаться забыть.

Но забыть не получалось.

Где-то глубоко в подсознании она знала, что девочка не уйдёт. Она будет преследовать её до тех пор, пока Карина не выполнит обещание.

Она закрыла глаза и провалилась в тяжёлый, тревожный сон.

Ей снилась школа. Старое здание из красного кирпича, с облупившейся штукатуркой и высокими, узкими окнами. Она стояла на школьном дворе, и снег падал на её плечи, но она не чувствовала холода. Вокруг никого не было. Только голые деревья и качели, которые скрипели на ветру, хотя ветра не было.

Она пошла к входу. Двери были приоткрыты, и она толкнула их. Коридор был длинным, с высоким потолком и плиточным полом. Вдоль стен висели портреты известных писателей и учёных, но их глаза, казалось, следили за ней. Она шла по коридору, и шаги её гулко отдавались в пустоте.

Она искала что-то. Она не знала, что именно, но её ноги сами несли её вперёд. Она прошла мимо классов, мимо столовой, мимо актового зала. И вдруг остановилась у двери, на которой была табличка: «Мастерская №14».

Карина открыла дверь. Внутри была комната, заставленная гипсовыми скульптурами. Статуи были разными: лица, руки, торсы. Некоторые были незавершёнными. В центре стояла большая статуя девочки в школьной форме. Она была такой реалистичной, что Карина на мгновение подумала, что это настоящий человек. Но когда она подошла ближе, она увидела, что это гипс. На лице статуи была та же печаль, что и у призрака.

— Вика, — прошептала Карина.

И в этот момент статуя открыла глаза. Её губы дрогнули, и она заговорила. Голос был тихим, едва слышным, но отчётливым:

— Он здесь. Он всегда здесь. Он наблюдает. Найди меня...

Карина хотела спросить, кто «он», но вдруг услышала шаги за спиной. Она обернулась, но никого не было. Только пустой коридор. А когда она повернулась обратно к статуе, та уже была просто гипсом. Но на её основании было вырезано: «14».

Карина проснулась с криком.

Она сидела на кровати, тяжело дыша, и смотрела в темноту. Сердце бешено колотилось. За окном всё ещё шёл дождь. Она провела рукой по мокрому от пота лицу и поняла, что это был не просто сон. Это было послание. Девочка показывала ей мастерскую, где её убили. И «он», кто-то, кто там был.

«Мраморнов», — подумала она. — «Учитель рисования. Он убил её».

Она встала, пошла на кухню, налила себе воды. И когда она проходила мимо мусорного ведра, она заметила, что пепел от письма исчез. Вместо него лежал чистый белый лист бумаги, сложенный вчетверо.

Она медленно подошла, подняла лист. На нём было написано её собственной рукой — то же самое письмо, которое она сожгла. Текст был такой же, но в конце было дописано: «Вика Соболева, 2008 год. Я жду».

Карина застыла. Девочка восстановила письмо. Она хотела, чтобы оно было отправлено. Она не даст Карине уйти от ответственности.

«Я должна отправить его», — поняла Карина. Она взяла конверт, аккуратно вложила письмо, заклеила и вышла в подъезд. Она хотела опустить его в почтовый ящик, но вдруг засомневалась: что если она сделает это, и её вычислят? Она не знала, как работает почта в полиции. Может быть, лучше отправить его через интернет? Но тогда след останется в её аккаунте.

Она стояла с конвертом в руке, и её трясло. Было четыре часа утра, в подъезде горел тусклый свет. Она слышала, как где-то за стеной капает вода.

И в этот момент на лестничную клетку вышел её сосед, пожилой дворник дядя Гриша, который обычно просыпался рано, чтобы убрать подъезд. Увидев Карину с письмом, он улыбнулся беззубой улыбкой:

— Чего не спишь, красавица? Письмо отправляешь? Давай, я положу в ящик, когда буду мусор выносить.

Карина заколебалась. Дядя Гриша был безобидным, немного глуховатым стариком, который жил в подвальном помещении. Она отдала ему конверт.

— Спасибо, дядя Гриша. Опустите, пожалуйста.

Он кивнул, взял конверт и положил в карман своего засаленного фартука. А сам пошёл к мусорным бакам, стоящим у лифта, чтобы выбросить пакеты. Карина пошла к себе, чувствуя, как с души сваливается камень. Она сделала это. Она отправила письмо.

Но когда она закрыла дверь, она услышала, как в мусоропроводе что-то звякнуло. Она открыла дверь и выглянула. Дядя Гриша стоял у мусорных баков и ковырялся в ведре. Увидев её, он вздрогнул.

— Ой, прости, милая, — залепетал он. — Я хотел письмо в ящик опустить, а тут конверт упал. Я его в ведро с мусором и выбросил, случайно. Уже не достать.

Карина почувствовала, как сердце ухнуло в пятки. Всё пропало. Она снова проиграла.

— Ничего страшного, — сказала она с деланной улыбкой. — Это не важно.

Она закрыла дверь и прислонилась к ней лбом, чувствуя, как внутри всё обрывается. Она не могла больше писать. Она не могла больше пытаться. Девочка проиграла.

Но Карина не знала, что дядя Гриша, несмотря на свою забывчивость, был честным человеком. Он знал, что конверт упал, но он не стал рыться в мусоре, потому что не хотел пачкать руки. Но когда он выносил мусор на улицу, конверт выпал из мусорного мешка прямо на асфальт. И дворник, который пришёл через час, заметил его.

Он поднял конверт, прочитал адрес (он был написан неразборчиво, но можно было разглядеть: «Отделение полиции») и отнёс его участковому. А участковый, взглянув на содержание, сразу же передал его в отдел по расследованию убийств.

В тот же день, когда Карина сидела в издательстве и смотрела в одну точку, не видя текста, в кабинете майора Андрея Ветрова зазвонил телефон.

Ветров был мужчиной под сорок, с жёсткими чертами лица, тёмными глазами и вечным запахом кофе, который, казалось, пропитал его кабинет насквозь. Он только что вернулся с очередного бесполезного совещания, где начальство требовало раскрыть дело о пропавшей девочке из школы №14, которое висело на нём уже четыре месяца. Он уже сбился со счёта, сколько раз он перерывал тот самый подвал, и ничего не находил. Только пыль да старые шкафы.

— Слушаю, — бросил он в трубку.

— Андрей Сергеевич, тут курьер принёс странное письмо, — сказал дежурный. — Анонимное. Говорят, из почтового отделения пришло, но без обратного адреса. Содержание... ну, вы сами прочитайте.

Ветров взял конверт, вскрыл его и вытащил сложенный лист. Он пробежал глазами текст. Сначала он хотел отбросить его, как очередную шутку, но когда он прочитал фразу: «Девочку убили. Её зовут Вика Соболева. Она пропала в 2008 году», — его рука замерла.

Он перечитал письмо несколько раз. Там были детали, которых не мог знать обычный человек. Бетон. Котельная. Тайник. Ветров знал, что в подвале школы есть котельная, но он никогда не слышал о тайнике. Если это правда, то он мог что-то пропустить.

Он схватил куртку и поехал в школу №14.

И в этот момент, в другом конце города, Карина сидела на работе, и вдруг почувствовала, как в груди стало тепло. Она не знала, что это значит, но она поняла: письмо не пропало. Оно попало туда, куда должно было попасть.

И девочка, стоящая у неё за спиной, слегка улыбнулась.

Глава 5. Скептик

Майор Андрей Ветров ненавидел понедельники. Не потому, что они символизировали начало рабочей недели, а потому что в понедельник в его кабинете пахло особенно мерзко — смесью сырости, старой бумаги и остывшего кофе, которую не могли перебить даже распахнутые настежь окна. Сегодняшний понедельник не был исключением.

Он сидел за своим столом, заваленным папками, и крутил в руках пластиковый стаканчик с растворимым кофе, который уже давно остыл. Напротив, на стуле, сидел его помощник, лейтенант Кирилл Ткаченко, молодой парень с вечно растрёпанными волосами и выражением лица «я-всё-знаю-но-молчу». Он держал в руках планшет и листал какие-то документы.

— Андрей Сергеевич, — начал Кирилл, — начальник опять звонил. Говорит, если мы не закроем дело Соболевой до Нового года, он с нас шкуру спустит. В прямом смысле. Он сказал «спущу шкуру и повешу в кабинете как ковёр».

Ветров усмехнулся, но усмешка вышла кривой, безрадостной. Дело Соболевой висело на нём уже четвёртый месяц, и каждый день, как по расписанию, кто-то из начальства напоминал ему об этом. Вика Соболева, шестнадцатилетняя ученица школы №14, пропала в конце августа. Она вышла из дома, сказала маме, что идёт к подруге, и исчезла. Никаких следов, никаких зацепок, никаких тел. Только пустота.

— Я знаю, что сказал начальник, — ответил Ветров, отпивая горький кофе. — Но я не могу раскрыть дело, если нет улик. Мы проверили всех, кто был в школе в тот день. Мы проверили её друзей, её семью, её учителей. Мы облазили весь подвал в этой чёртовой школе. Ничего. Она как сквозь землю провалилась.

Кирилл вздохнул, закрыл планшет и положил его на колени.

— Может, это побег? — предположил он. — У неё же были проблемы с отчимом. Соседи говорили, что он орал на неё. Могла сбежать с каким-нибудь парнем.

— Исчезнуть без следа, без денег, без телефона? — Ветров покачал головой. — Нет. Я не верю. Её телефон отключился через час после того, как она вышла из дома. Последний сигнал был где-то рядом с парком, который прилегает к школе. Там же, где все эти статуи. Ткаченко, ты сам видел эти чёртовы статуи — какие-то облезлые мраморные бабы с разбитыми носами. Не понимаю, зачем ей туда идти.

— Может, она хотела встретиться с парнем в парке. Там тихо, никого нет.

— А где парень? — Ветров поставил стакан на стол, и кофе расплескался на бумаги. — Мы проверили всех её знакомых. Ни у одного нет алиби, но и доказательств их причастности тоже. Всё, что у нас есть, — это показания одноклассников, которые видели её у школы, и всё. Никаких камер, никаких свидетелей. Она как растворилась.

Ветров потёр лицо ладонями. Усталость навалилась на него тяжёлым грузом. Ему уже за сорок, он прослужил в уголовном розыске почти двадцать лет, и каждое нераскрытое дело было для него личным поражением. Но дело Соболевой было особенно мучительным. Девочка-подросток, почти ровесница его племянницы. Он смотрел на её фотографию каждый день и думал о том, что мог бы сделать по-другому, чтобы найти её живой.

Внезапно дверь кабинета открылась, и на пороге появился дежурный сержант, мужчина с красным лицом и запыхавшимся голосом.

— Андрей Сергеевич, — сказал он, — тут курьер принёс странное письмо. Анонимное. Прислали без обратного адреса, но оно адресовано вам лично. Ну, то есть в отдел, но я подумал, вы хотите первым его увидеть.

— Вбрось в ящик, — отмахнулся Ветров, не поднимая глаз. — У нас и так бумаг полно.

— Там про школу №14, — добавил сержант.

Ветров замер. Он поднял голову, и в его тёмных глазах мелькнула искра интереса. Школа №14 была его больным местом. Любая информация, связанная с ней, могла оказаться ключом к делу.

— Давай сюда, — сказал он, протягивая руку.

Сержант положил на стол белый конверт, который был немного испачкан чем-то серым (похоже, на него упал пепел или грязь). Ветров взял его, повертел в руках, осмотрел. Конверт был заклеен, адрес написан неразборчивым, торопливым почерком. Он открыл его, достал сложенный лист бумаги и развернул.

Письмо было коротким. Всего несколько предложений. Но когда Ветров прочитал его, внутри него что-то сжалось.

«Я знаю, что в подвале школы №14 спрятано тело. Не спрашивайте, откуда я это знаю. Просто проверьте подвал, там есть тайник, залитый бетоном, но доступ из котельной. Девочку убили. Её зовут Вика Соболева. Она пропала в 2008 году. Пожалуйста, найдите её. Дайте ей покой. Аноним».

Ветров перечитал письмо дважды, трижды. Он искал подвох, ошибку, нестыковку. Но всё было слишком конкретно. Слишком правдоподобно. Котельная, бетон, тайник. Он сам лазил по подвалу, но никогда не думал, что в котельной может быть что-то скрыто. Он осматривал стены, но не подозревал о тайнике.

— Что там, Андрей Сергеевич? — спросил Кирилл, наклоняясь вперёд. — Опять какой-то псих?

Ветров не ответил. Он протянул письмо Кириллу и смотрел на него, пока тот читал. Когда лейтенант закончил, он поднял глаза, и в них было то же замешательство, что и у Ветрова.

— Это же... — начал Кирилл. — Это совпадение? Или кто-то знает?

— Или кто-то знает, — медленно повторил Ветров. — Или это просто удачная шутка. Но я в такие совпадения не верю. Ткаченко, ты знаешь что-нибудь про тайник в котельной?

Кирилл задумался, затем покачал головой.

— В плане подвала ничего не сказано. Мы осматривали стены, но не ломали их. Может, там действительно что-то есть?

Ветров встал из-за стола, надел пиджак, висевший на спинке стула, и взял ключи от машины.

— Едем в школу, — сказал он. — Проверим. Если там ничего нет, я лично найду этого анонима и задам ему пару вопросов. Но если есть... — Он замолчал, не договорив.

Они вышли из кабинета, прошли по коридору, спустились на первый этаж и сели в служебную машину. Ветров вёл быстро, почти агрессивно, обгоняя поток машин, и Кирилл сидел рядом, сжимая в руке планшет и нервно поглядывая на спидометр.

— Может, не стоит так гнать? — осторожно спросил он.

— Я уже четыре месяца не могу сдвинуться с этого дела, — ответил Ветров, не глядя на него. — Если кто-то знает что-то и решил написать анонимку, я должен это проверить. Немедленно. Иначе я не усну.

Школа №14 встретила их пустыми коридорами и запахом старого дерева, плесени и школьного мела. Занятия уже закончились, и только уборщица, пожилая женщина в синем халате, мыла полы на первом этаже. Ветров показал ей удостоверение и спросил, где находится котельная.

— В подвале, — ответила она, указывая на дверь в конце коридора. — Только там темно и холодно. Мы туда почти не ходим.

Ветров и Кирилл спустились по узкой лестнице, держась за ржавые перила. Подвал был ещё более сырым, чем он запомнил. Лампы горели вполнакала, освещая стены, покрытые плесенью, и старые трубы. В центре стоял старый котел, ржавый и безжизненный, но рядом с ним была дверь, ведущая в небольшое помещение.

— Там котельная, — сказал Кирилл, заглядывая внутрь. — Ничего особенного.

— Дай фонарь, — приказал Ветров.

Он вошёл в котельную, включил фонарь и начал осматривать стены. Они были сделаны из красного кирпича, старого, потёртого временем. В одном месте он заметил, что кирпичи были более светлыми, чем остальные, как будто их клали позже. Он подошёл ближе и постучал по стене. Звук был глухим, но не таким, как в остальной части стены. За ней была пустота.

— Ткаченко, — позвал он. — Принеси лом.

Кирилл ушёл и вернулся через минуту с ломом, который нашёл в подсобке. Ветров взял его и начал поддевать светлые кирпичи. Они поддавались с трудом, но через несколько минут он вынул первый ряд. За ним был второй, затем третий. И когда он вынул достаточное количество кирпичей, чтобы просунуть руку, он нащупал что-то.

Это была ткань. Или сумка. Он вытащил её наружу. Это был старый школьный рюкзак, грязный, покрытый пылью. Внутри лежали тетради, пенал, книги. И маленькая фотография, заламинированная. На ней была Вика Соболева — та самая девочка, которую он искал четыре месяца. Она стояла в парке, улыбалась, а за её спиной виднелись очертания старых статуй.

— Чёрт, — выдохнул Кирилл. — Это её рюкзак. Это её вещи.

Ветров опустился на колени и продолжил разбирать стену. За рюкзаком было ещё что-то — пакет с волосами, лента, кусок ткани. Всё это было залито бетоном, но он продолжал разбивать его, пока не добрался до самого дна. Там лежал маленький значок с цифрой «14».

— Это она, — сказал он тихо. — Её вещи. Но где тело?

Он осмотрел всю стену, попытался разобрать ещё несколько кирпичей, но ничего не нашёл. Тела не было. Только вещи. Но это было доказательством того, что кто-то знал о тайнике. Что кто-то прятал их там. И этот кто-то, возможно, знал, что случилось с Викторией.

— Мы должны обыскать подвал полностью, — сказал Ветров, вставая и отряхивая руки. — Вызови экспертов. Пусть проверят всё здесь. Найдут ДНК, отпечатки. Всё, что можно.

— Андрей Сергеевич, — Кирилл смотрел на рюкзак с недоумением. — Но кто написал это письмо? Откуда он знал?

Ветров задумался. Он смотрел на значок «14» в своей руке, и внутри него зрела мысль: этот человек — либо убийца, либо свидетель. Или кто-то, кто каким-то непостижимым образом знал правду.

— Я не знаю, — ответил он. — Но я собираюсь это выяснить. Давай искать анонима.

Он вышел из подвала, оставляя Кирилла в котельной. В его голове уже зрел план. Он проверит почтовые ящики, опросит всех, кто мог отправить письмо. Может быть, найдёт отпечатки пальцев на конверте. Но главное, что он теперь знал: дело Вики Соболевой не было обычным побегом или самоубийством. Кто-то убил её. И кто-то помогал ему скрывать это.

И этот кто-то, как ни странно, сейчас был для него единственной надеждой.

Ветров вернулся в свой кабинет уже поздно вечером. Эксперты работали в школе, но предварительные результаты были неутешительными: вещи пролежали в стене много лет, ДНК почти не сохранилось. Но они нашли несколько отпечатков пальцев, которые могли принадлежать убийце, и это давало надежду.

Он сидел за столом, перебирая папки и думая о письме. Кто мог написать его? Ученик? Учитель? Родственник? Или случайный человек, который случайно узнал правду? В голову не приходило ни одного внятного ответа.

Он взял конверт и поднёс его к свету. На нём не было отпечатков, кроме его собственных. Но на бумаге, на которой было написано письмо, он заметил слабый запах. Запах дыма. Бумага была словно обожжена, словно её пытались сжечь, но потом восстановили. Это было странно.

Он вспомнил, что дежурный говорил о конверте: «он был испачкан чем-то серым». Ветров поднёс его к носу. Запах горелой бумаги смешивался с запахом сырости. Это не было совпадением.

— Ткаченко, — позвал он. — Проверь все звонки, которые поступали в отдел за последние дни. Может быть, кто-то звонил анонимно, но упоминал школу №14.

Кирилл кивнул и через несколько минут вернулся с распечаткой.

— Есть один звонок, — сказал он. — Позавчера, из телефонной будки. Голос женский, сказал: «Проверьте подвал школы №14». Сбросил. Мы не придали значения.

Ветров взял распечатку. Женский голос. Анонимка. Оба сообщения были связаны с подвалом. Он чувствовал, что кто-то пытается помочь ему, но боится раскрыться.

— Найдите эту будку, — приказал он. — Проверьте камеры, если они есть. Нам нужно лицо.

Но он знал, что найти камеру у телефонной будки в старом районе почти невозможно. Это был глухой район, где камеры почти не работали. Но он не мог сдаться.

Он схватил телефон и позвонил в справочную, чтобы проверить, нет ли в базе данных людей, которые могли бы быть связаны с этим делом. В списке, который ему прислали, была фамилия одного учителя, Алексея Мраморнова, который преподавал рисование в школе №14 и уволился через год после пропажи Вики. И ещё одно имя — Карина Богданова, корректор из издательства, которая не имела отношения к делу, но жила рядом со школой.

Он не знал, почему она была в списке. Возможно, её фамилия попала туда случайно, потому что она писала какие-то статьи о городских легендах. Но он решил проверить всех. С этого момента он не доверял никому.

— Ткаченко, — сказал он, откладывая список. — Найди мне всё, что можно найти о Карине Богдановой. Фото, адрес, телефон. И позвони ей.

Он не знал, что это звонок перевернёт всё дело, но он чувствовал: что-то важное должно произойти.

Карина сидела на диване, когда у неё зазвонил телефон. Номер был незнакомый. Она не сразу подняла трубку, но потом решила, услышав настойчивый звонок.

— Алло? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Это майор Ветров из городской полиции, — раздался в трубке низкий мужской голос. — Вы Карина Богданова?

— Да, — ответила она, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. — В чём дело?

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов, — сказал он. — Это касается дела о пропаже Вики Соболевой. Вы знаете что-нибудь об этом?

Карина замерла. Она не знала, как он нашёл её номер. Но она поняла: письмо дошло. И теперь её жизнь изменится навсегда.

Она сделала глубокий вдох и ответила:

— Я знаю больше, чем вы думаете. Но я хочу встретиться с вами лично. Рассказать правду.

Ветров помолчал, затем сказал:

— Хорошо. Завтра в десять утра, в моём кабинете. Адрес я вам пришлю.

Он повесил трубку, оставив Карину в пустой квартире, с дрожащими руками и учащённым сердцем.

Она не знала, что ей предстоит, но она была готова.

Глава 6. Преследователь

Утро после того злополучного телефонного разговора с майором Ветровым выдалось серым и промозглым. Карина проснулась раньше будильника, чувствуя, как в груди поселился тягучий, неприятный комок тревоги. Она лежала в постели, глядя в потолок, и прокручивала в голове их короткий диалог. «Я знаю больше, чем вы думаете», — сказала она. И это была правда. Но теперь, когда она произнесла эти слова вслух, они казались ей безумными. Что она могла рассказать майору полиции? Что её преследует призрак школьницы? Что она пишет анонимные письма, которые сами собой появляются из пепла?

Она села на кровати, потянулась к тумбочке и приняла таблетку антидепрессанта, которую ей прописал психиатр. Лекарство должно было успокоить её, сгладить острые углы тревоги. Но вместо этого она почувствовала лишь лёгкую тошноту и головокружение. «Может быть, мне не стоило этого делать», — подумала она, но было уже поздно.

Карина встала, накинула халат и пошла на кухню. Васька, рыжий кот, уже сидел у своей пустой миски и требовательно мяукал. Она насыпала ему корм, налила себе чаю и села за стол, глядя на дождь, который барабанил по подоконнику. Ей предстояла встреча с Ветровым в десять утра. Она должна была ехать в полицейский участок, которого боялась больше всего на свете. Она не знала, что говорить, как объяснить свои видения и как убедить его, что она не сумасшедшая.

Она допила чай, оделась в строгий брючный костюм, который висел в шкафу ещё со времён корпоративов, и вышла из дома. На улице моросил холодный дождь, и Карина подняла воротник пальто, пытаясь спрятаться от ветра. Она шла к остановке, когда вдруг почувствовала тот самый холод. Он начался в груди, как всегда, и медленно пополз по позвоночнику, заставляя её замереть на месте.

Она обернулась. На пустой улице, среди мокрых листьев и серых многоэтажек, стоял он. Мужчина.

Карина не сразу поняла, что это призрак. Он выглядел слишком реальным — высокий, худой, в мокрой от дождя куртке, с бледным лицом и тёмными волосами, прилипшими ко лбу. Он стоял у дерева, опираясь на ствол, и смотрел на неё. Но когда Карина присмотрелась, она заметила, что его рубашка была испачкана чем-то тёмным. Кровь. Она была повсюду — на груди, на рукавах, на воротнике. И от него пахло бензином. Резкий, удушливый запах, который перебивал даже запах дождя.

Карина почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног. Она хотела закричать, но голос застрял в горле. Призрак сделал шаг вперёд. Его глаза были пустыми, но в них читалась мучительная боль. Он поднял руку и указал в сторону, туда, где за поворотом виднелись очертания строительного рынка.

— Что тебе надо? — прошептала Карина, хотя знала, что ответа не получит.

Призрак не ответил. Он просто развернулся и пошёл в сторону рынка, а Карина, сама не зная зачем, последовала за ним. Её ноги двигались сами, словно он контролировал её волю. Она шла по мокрому асфальту, чувствуя, как бензиновый запах становится сильнее, и понимала, что это место связано с его смертью.

Она свернула за угол и оказалась у строительного рынка. Рынок был закрыт — по понедельникам он не работал. За высоким забором виднелись ряды пустых торговых павильонов, кучи стройматериалов, накрытых брезентом, и несколько старых грузовиков. Призрак остановился у ворот и снова указал рукой — теперь на бетонный блок, стоявший у стены склада.

Карина подошла ближе. Она не знала, что именно ищет, но чувствовала, что там, за этим блоком, что-то есть. Она обошла его и увидела углубление, заваленное досками и строитель-

ным мусором. Её руки дрожали, когда она начала разгребать доски. Под ними оказалась старая, проржавевшая металлическая бочка. А из бочки торчала человеческая рука.

Карина отшатнулась и закричала. Громко, пронзительно, так, что эхо разнеслось по пустому рынку. Она отбежала на несколько шагов, прижимая руки к груди, и поняла, что не может дышать. Она видела мёртвых, но никогда не видела их тел. Это было слишком реально. Слишком ужасно.

Она схватила телефон и набрала 112. Голос её дрожал, когда она продиктовала адрес и сказала, что нашла тело.

— Пожалуйста, пришлите полицию, — сказала она. — Это срочно. Я нашла труп.

Она не ждала ответа, просто сбросила звонок и побежала прочь, чувствуя, как слёзы застилают глаза. Она бежала по мокрым улицам, не разбирая дороги, пока не оказалась в ближайшем парке, где рухнула на скамейку и разрыдалась.

Ветров сидел в своём кабинете, когда ему позвонили. Дежурный сообщил, что на строительном рынке найден труп. Он уже собирался выезжать, когда его переключили на оперативника, который работал на месте.

— Андрей Сергеевич, — сказал голос в трубке, — тут такое дело. Женщина позвонила, сказала, что нашла тело. Мы приехали, и действительно — в бочке за бетонным блоком труп. Сильно обгоревший, но есть вещи, по которым можно опознать.

Ветров нахмурился.

— Женщина? — переспросил он. — Как её зовут?

— Она не представилась. Сбросила звонок. Но мы определили номер — он зарегистрирован на какую-то Карину Богданову. Это та же, что была в списке по делу Соболевой.

Ветров замер. Карина Богданова. Та самая, которая должна была прийти к нему через час. Он посмотрел на часы. Было 9:45. Она не пришла. Но она нашла труп. И эта находка была связана с делом, которое он вёл.

Он схватил куртку и выбежал из кабинета.

На месте преступления уже работала следственная группа. Криминалисты в белых костюмах сутились вокруг бочки, фотографировали, собирали улики. Ветров подошёл к старшему следователю, Сергею Игнатьеву, и спросил:

— Что у нас?

— Труп мужчины, сильно обгоревший, — ответил Игнатьев. — Похоже, его сожгли заживо. Мы нашли обгоревшие остатки одежды, водительские права на имя Николая Громова, таксиста, который пропал год назад. Дело висело у нас как без вести пропавший.

Ветров вспомнил это дело. Громов, сорокалетний таксист, исчез в декабре прошлого года. Он взял заказ на вокзале и больше не вернулся. Машину нашли брошенной на окраине города, но тела не было. Следствие зашло в тупик.

— Богданова звонила, говорила, что нашла тело? — спросил Ветров.

— Да. Но когда мы приехали, она уже ушла. Мы нашли её по номеру телефона.

Ветров посмотрел на бетонный блок. На нём были следы недавнего прикосновения — чьи-то пальцы в грязи. Он подошёл ближе, осмотрел. Отпечатки были чёткими, но он не мог понять, кому они принадлежат.

— Вызовите её, — приказал он. — Она должна дать показания.

— Она уже в участке, — сказал один из оперативников. — Мы позвонили, она приехала сама. Ждёт в приёмной.

Ветров кивнул и, не дожидаясь окончания осмотра, поехал обратно в участок.

Карина сидела в приёмной, сжав руки в замок, и смотрела на дверь кабинета Ветрова. Её трясло. Она всё ещё не могла прийти в себя после того, что увидела. Обгоревшая рука, торчащая из бочки. Запах бензина, который всё ещё стоял в носу, хотя она уже была далеко

от рынка. Она жалела, что приняла таблетку — голова кружилась, и ей казалось, что стены плывут.

Когда Ветров вошёл в приёмную, она подняла на него глаза. Он был выше, чем она представляла, с жёсткими чертами лица и тёмными глазами, которые смотрели на неё с подозрением. Он подошёл к ней, остановился, и сказал:

— Карина Богданова? Вы нашли тело.

Это был не вопрос, а утверждение. Карина кивнула.

— Пройдёмте в кабинет, — сказал он и жестом указал на дверь.

Она вошла в его кабинет, который был завален папками, бумагами и стаканчиками из-под кофе. Он закрыл дверь, сел напротив неё, положил руки на стол и посмотрел на неё пристально.

— Расскажите, как вы нашли тело, — сказал он.

Карина сделала глубокий вдох. Она знала, что должна сказать правду. Но правда звучала безумно.

— Я... я шла на встречу с вами, — начала она. — И вдруг я увидела мужчину. Он стоял на улице, у дерева. Он был весь в крови, пахло бензином. Он указал мне на рынок. И я пошла за ним.

Ветров нахмурился. Он смотрел на неё с явным недоверием.

— Вы видели мужчину? — переспросил он. — Кто он был? Вы знали его?

— Это был призрак, — сказала Карина, и слова вылетели сами собой. — Я вижу мёртвых. Я не знаю, как это объяснить. После аварии, клинической смерти, я начала видеть их. Они приходят ко мне, показывают мне, что случилось. Девочка из школы №14 тоже пришла ко мне. Она показала мне подвал, и я написала то письмо. Я отправила его вам. И вы нашли её вещи.

Ветров молчал. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах мелькнула тень сомнения, а затем — гнева.

— Вы хотите сказать, что вас привели к трупу мертвецы? — спросил он, и в голосе его послышались холодные нотки.

— Да, — ответила Карина, чувствуя, как слёзы снова подступают к глазам. — Я знаю, что это звучит безумно. Я сама думаю, что схожу с ума. Но это правда. Я не знаю, как это работает, но я вижу их. Они приходят, и я чувствую их боль. Запах бензина, который я чувствовала сегодня, исходил от призрака. Это был запах его смерти.

Ветров встал из-за стола, прошёлся по кабинету, заложив руки за спину. Он смотрел на неё, и Карина видела, что он борется с собой. С одной стороны, он не верил ни одному её слову. С другой — она знала то, чего не могла знать обычный человек. Тайник в подвале. Бетон. Котельная. Рюкзак Вики. И теперь — тело таксиста, которое никто не мог найти.

— Карина, — сказал он, останавливаясь у окна. — Я не знаю, кто вы на самом деле. Может быть, вы свидетель убийства, который хочет помочь. Или вы сами причастны к этому делу. Я не верю в призраков. Я не верю в галлюцинации. Но я вижу факты: вы знали о тайнике, о котором не знал никто. Вы нашли тело, которое мы искали год. И я должен выяснить, как вы это сделали.

— Я не могу объяснить это по-другому, — сказала Карина, и в голосе её послышалось отчаяние. — Я не хочу вас обманывать. Вы можете проверить меня. У меня нет алиби на момент убийства. Я была в больнице, когда он пропал. Вызовите врачей, они подтвердят. Я была в коме.

Ветров повернулся к ней, и его лицо стало чуть мягче. Он понял, что она говорит правду — по крайней мере, о том, что у неё есть алиби. Но остальное оставалось под вопросом.

— Хорошо, — сказал он после долгой паузы. — Я проверю вашу историю. Но я хочу, чтобы вы знали: если вы водите меня за нос, я найду способ привлечь вас к ответственности. За ложные показания, за вмешательство в следствие. Вы понимаете?

Карина кивнула.

— Я понимаю, — сказала она. — Но я хочу помочь. Девочка, Вика, она хочет справедливости. И тот мужчина, таксист, — он тоже. Он пришёл ко мне, чтобы я нашла его тело. Я сделала это. Теперь его душа сможет уйти.

Ветров снова сел за стол, взял ручку и начал что-то записывать в блокнот.

— Хорошо, — сказал он. — Я дам вам шанс. Но если вы будете продолжать со мной эту игру... — Он не договорил, но Карина поняла угрозу.

— Я не играю, — ответила она. — Я просто пытаюсь выжить.

Они говорили ещё около часа. Ветров задавал ей вопросы о её жизни, о её видениях, о девочке и таксисте. Он записывал всё, что она говорила, и хотя его лицо оставалось скептическим, Карина чувствовала, что он начинает верить. Или, по крайней мере, начинает допускать, что её способности могут быть реальными.

Когда она уже собиралась уходить, он остановил её:

— Подождите. Вы сказали, что призраки приходят к вам и показывают вам то, что произошло. Значит, вы можете видеть того, кто их убил?

Карина задумалась. Она не думала об этом раньше. Призраки показывали ей места, запахи, цифры, но не лица.

— Я не вижу лица убийцы, — призналась она. — Только последние моменты их жизни. Иногда — ощущения, запахи. Может быть, это потому, что я боюсь смотреть в лицо смерти.

— Если вы не можете видеть лица, как вы можете помочь? — спросил он.

— Я могу помочь найти тела, — ответила она. — Дать им покой. Может быть, когда я смогу принять это, я увижу больше. Но я ещё не готова.

Ветров долго смотрел на неё, затем сказал:

— Хорошо. Если вы сможете найти ещё тела, я буду считать это сотрудничеством. Но вы должны быть осторожны. Если кто-то узнает о ваших способностях, вы можете стать мишенью.

Карина кивнула, поблагодарила его и вышла из кабинета. Когда она шла по коридору, она чувствовала, что её жизнь изменилась. Теперь она была не просто жертвой своих видений. Она была кем-то вроде союзника полиции.

Но она не знала, что за ней следят.

Вернувшись, домой, Карина села на диван и заплакала. Слёзы лились сами собой, облегчая душу. Она чувствовала опустошение, но в то же время странное облегчение. Она помогла. Она сделала что-то важное. Тот мужчина, таксист, теперь обрёл покой. И Вика когда-нибудь обретёт его.

Васька запрыгнул к ней на колени и начал тереться головой о её руки. Она погладила его, чувствуя тепло его шерсти, и это немного успокоило её.

Она достала дневник, который начала вести, и написала: «Я нашла тело таксиста. Майор Ветров вроде бы поверил мне, но я видела сомнение в его глазах. Мне нужно доказать ему, что я не безумна. Я должна помочь другим призракам. Может быть, тогда я пойму, почему это происходит со мной».

Она закрыла дневник, и в этот момент почувствовала знакомый холод. Девочка стояла в дверях спальни и смотрела на неё.

— Ты сделала это, — словно бы сказал её взгляд. — Ты помогла. Теперь я могу уйти.

Карина улыбнулась, чувствуя, как по щеке скатилась слеза.

— Я помогу и тебе, — прошептала она. — Я найду твоё тело. Обещаю.

Девочка кивнула и исчезла.

Карина осталась одна, но теперь она знала: она не одна. Она была связана с мёртвыми, и это была её судьба.

Глава 7. Встреча

Прошло три дня с тех пор, как Карина нашла тело таксиста. Три дня, которые она провела в состоянии странной апатии, перемежающейся приступами панического страха. Она почти не выходила из квартиры, заказывала продукты с доставкой, часами сидела на диване, глядя в одну точку, и слушала, как за окном шумит ветер. Васька, чувствуя её состояние, постоянно крутился рядом, тёрся о ноги и мяукал, требуя внимания, но Карина не находила в себе сил даже погладить его.

Она принимала таблетки, которые ей выписал психиатр, но они не помогали. Тревога пульсировала в груди, как второй сердечный ритм, не давая ей забыться даже во сне. Когда она закрывала глаза, перед ней вставали лица призраков: девочка с бантами, мужчина в окровавленной рубашке. И запах бензина, который, казалось, въелся в её одежду и волосы, хотя она принимала душ по два раза на день.

Она не знала, что Ветров уже три дня проверяет её. Он проверил её алиби, как и обещал. Больница подтвердила: Карина Богданова поступила в реанимацию за день до того, как таксист Громов взял свой последний заказ. Она лежала в коме, когда его убили. У неё было железное алиби. Он проверил её телефонные звонки, её социальные сети, её работу. Всё было чисто. Она была обычным корректором, которая после аварии начала видеть странные вещи.

Ветров сидел в своём кабинете, перебирая папку с её делом, и чувствовал, как внутри него нарастает раздражение. Он не мог понять, как она узнала о тайнике в подвале школы. Он не мог понять, как она нашла тело таксиста. Он перечитал её показания, данные на допросе, и они казались ему бредом. «Я вижу мёртвых», — сказала она. И он, профессионал с двадцатилетним стажем, должен был рассмеяться ей в лицо. Но он не рассмеялся. Потому что факты, чёрт возьми, говорили сами за себя.

Он взял телефон, набрал номер её мобильного и услышал в трубке длинные гудки. Она не брала трубку. Он набрал снова — и снова гудки. Тогда он решил действовать по-другому. Он взял ключи от машины, надел куртку и поехал к ней домой.

Карина сидела на кухне, когда услышала звонок в дверь. Она вздрогнула, выронила чашку с остывшим чаем, и замерла, прислушиваясь. Звонок повторился — настойчивый, требовательный. Она медленно встала, подошла к двери и посмотрела в глазок. За дверью стоял майор Ветров. Один. Без формы, в гражданской куртке, но его лицо было напряжённым, а глаза — холодными.

Карина открыла дверь. Она не знала, что сказать, поэтому просто стояла на пороге, глядя на него снизу вверх.

— Вы не отвечали на звонки, — сказал он без предисловий. — Я хотел поговорить с вами.

— Я... я не слышала, — солгала она. Она слышала, но не хотела брать трубку. Ей было страшно. Страшно говорить с ним, страшно вспоминать то, что случилось.

— Можно войти? — спросил он, и в голосе его послышались стальные нотки. Это был не вопрос, а требование.

Карина отступила в сторону, пропуская его. Ветров вошёл, оглядел прихожую, снял куртку и повесил её на вешалку. Он был высоким, широкоплечим, и в её маленькой квартире он казался огромным, словно занимал всё пространство. Он прошёл на кухню, сел за стол и посмотрел на неё.

— Садитесь, — сказал он, указывая на стул напротив.

Карина села, чувствуя себя нашкодившей школьницей. Она сложила руки на коленях и опустила глаза.

— Я проверил ваше алиби, — начал он. — Оно подтвердилось. Вы были в больнице, когда пропал Громов. У вас нет криминального прошлого, нет связей с преступным миром. Вы обычный человек. И это меня сбивает с толку.

— Я знаю, — тихо сказала она. — Я ничего не могу с этим поделать.

— Но есть одно «но», — продолжил он, наклоняясь вперёд. — Вы знали то, о чём не мог знать обычный человек. Тайник в подвале школы. Место, где лежало тело таксиста. Вы дали показания, которые звучат как бред. Скажите мне, Карина, как вы это сделали? Если вы не сумасшедшая и не преступница, как вы это узнали?

Карина подняла на него глаза. Она знала, что сейчас наступит решающий момент. Она могла солгать, придумать какую-то историю, сказать, что ей кто-то рассказал. Но она устала врать. Она устала бояться. Она устала жить в постоянном страхе, что её признают сумасшедшей.

— Я уже сказала вам, — ответила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я вижу мёртвых. Они приходят ко мне. Они показывают мне то, что случилось. Девочка, Вика Соболева, привела меня к подвалу школы. Мужчина, таксист, привёл меня к рынку. Я не знаю, как это объяснить. Я не знаю, почему это происходит со мной. Но это правда.

Ветров смотрел на неё. Его лицо оставалось каменным, но в глазах мелькнула тень сомнения. Он хотел ей не верить. Он хотел сказать, что она лжёт, что это совпадение, что она просто умная женщина, которая нашла способ манипулировать им. Но где-то глубоко, на интуитивном уровне, он чувствовал: она говорит правду.

— Если вы видите мёртвых, — сказал он медленно, — покажите мне. Прямо сейчас. Докажите, что вы не лжёте.

Карина замерла. Она не знала, как это сделать. Призраки приходили сами, когда хотели. Она не могла вызывать их по заказу, как фокусник. Она не могла заставить их появиться, когда ей было удобно.

— Я не могу, — призналась она. — Они приходят сами. Я не контролирую это.

— Удобно, — усмехнулся Ветров, и в голосе его послышалась горечь. — Вы говорите, что видите мёртвых, но не можете показать их. Как я должен верить вам?

Карина почувствовала, как внутри неё закипает злость. Она устала от его насмешек, от его неверия. Она встала из-за стола, подошла к окну и посмотрела на серое небо.

— Я не могу показать их, — сказала она, повернувшись к нему. — Но я могу рассказать вам о том, что чувствую. Когда приходит призрак, я чувствую холод. Он начинается в груди и поднимается по позвоночнику. Я чувствую запах их смерти. Запах бензина, крови, горелого мяса. Я чувствую их боль. Касаясь места, где они умерли, я чувствую это на своей коже. Я не знаю, как это работает. Я не знаю, почему это происходит со мной. Но это реально.

Ветров молчал. Он смотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес. Но он всё ещё не верил. Ему нужно было что-то большее, чем слова.

— Хорошо, — сказал он после долгой паузы. — Давайте проверим. Вы сказали, что чувствуете их боль. Где они умирали? Где, по-вашему, умерла Вика Соболева?

Карина задумалась. Она не знала точно, но что-то подсказывало ей, что смерть произошла не в подвале школы.

— Я не знаю, — ответила она. — Она показывала мне школу, подвал, но я думаю, её убили не там. Там только прятали вещи. Её тело где-то в другом месте. Может быть, в парке. Она показывала мне статуи. Она показывала «Девушку с веслом». Может быть, там.

Ветров нахмурился. Парк со статуями. Он знал этот парк — старый, заброшенный, с облезлыми мраморными фигурами, которые стояли там ещё с советских времён. Он помнил, что в деле Вики упоминался парк. Её телефон отключился недалеко от него.

— Вы можете отвести меня туда? — спросил он. — К статуе?

— Я не знаю, где это, — ответила Карина. — Я видела только во сне.

Она хотела добавить что-то ещё, но вдруг почувствовала, как воздух в комнате стал холоднее. Она замерла, прислушиваясь к своему телу. Холод начался в груди, как всегда, и медленно пополз вверх. Она обернулась, и в углу кухни, у стены, стоял он. Тот самый мужчина, таксист. Его рубашка была всё так же испачкана кровью, и от него пахло бензином. Он смотрел на неё пустыми глазами, а затем перевёл взгляд на Ветрова.

— Он здесь, — прошептала Карина, и голос её дрогнул.

Ветров нахмурился.

— Кто здесь? — спросил он, оглядываясь.

— Таксист, — ответила она. — Тот, чьё тело я нашла. Он стоит у стены. Он смотрит на вас.

Ветров почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он посмотрел туда, куда указывала Карина, но не увидел ничего. Только пустую стену с отставшими обоями.

— Я ничего не вижу, — сказал он, но голос его дрогнул.

— Он здесь, — повторила Карина. — Он хочет что-то сказать. Он показывает мне... он показывает машину. Старую машину, «Ладу» белого цвета. И ключи. Он держит ключи. Он хочет, чтобы вы нашли их.

Ветров замер. Машина Громова была найдена год назад на окраине города. Она была пуста, ключей в ней не было. Их искали, но не нашли. Следствие предположило, что убийца забрал их с собой.

— Ключи, — медленно повторил он. — Где они?

Карина закрыла глаза, пытаясь сконцентрироваться. Призрак подошёл ближе, и она почувствовала запах бензина, ударивший в нос. Она протянула руку, и её пальцы коснулись холодного воздуха. На мгновение она почувствовала, как что-то твёрдое легло в её ладонь — форма ключа. Она сжала пальцы, и когда открыла глаза, ключа не было.

— Он говорит, что ключи лежат в его машине, — сказала она, открывая глаза. — В салоне, под водительским сиденьем. Их не нашли, потому что они упали в щель.

Ветров смотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то, чего он не мог скрыть. Удивление. И страх. Потому что если она права, то она действительно видит мёртвых. А если она видит мёртвых, то он не может объяснить это логикой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.